

Предисловие

Среди ответственных политических лидеров существует практически полное единодушие в том, что Соединенные Штаты и западный мир в целом вступили в опасный период своей истории. Несмотря на то что мнения по поводу степени этой опасности разделились, все сходится на том, что нам надо иметь отчетливую и реалистическую картину сложившейся ситуации для того, чтобы адекватно реагировать на опасность и понимать, что выбор правильного образа действий у нас только один. Предпосылки, на которых основано это мнение о ситуации в мире, в принципе представляются следующими.

Коммунизм, представленный Советским Союзом и Китаем, является революционно-империалистическим движением, стремящимся завоевать мир либо открытыми силовыми действиями, либо подрывной деятельностью. Промышленное и военное развитие сделало коммунистический лагерь, в особенности Советский Союз, могущественным соперником, способным в значительной степени разрушить наш человеческий и промышленный потенциал. Коммунистический блок можно ограничить в его притязаниях единственно внушением ему четкого понимания того, что любая такая попытка будет встречена контрударом, который разрушит или нанесет непоправимый ущерб его человеческому или промышленному

потенциалу. В этой способности к устрашающему сдерживанию заключена наша единственная надежда на сохранение мира, ибо Россия откажется от попыток завоевания мира только под влиянием страха перед нашим ответом. Мир можно считать гарантированным до тех пор, пока мы сохраняем достаточную военную мощь и имеем военных союзников по всему миру.

Правда, внутри этой общей концепции мнения заинтересованных лиц весьма разнообразны. Есть люди, которые считают, что ядерная война убьет 60–70 миллионов американцев, а такие потери едва ли разрушат или серьезно трансформируют наш образ жизни. Другие считают, что более реалистичными представляются потери в 100–150 миллионов человек. Третьи являются сторонниками переговоров о разоружении с позиции силы, четвертые же считают всякие переговоры о разоружении пустопорожним упражнением в пропаганде. Есть сторонники ограниченного контроля над вооружениями, например запрещения испытаний ядерного оружия, но им возражают те, кто считает, что такие меры являются угрозой нашей безопасности. Находятся такие специалисты, которые предпочитают ядерную стратегию, предусматривающую нацеливание наших ракет на пусковые установки вероятного противника. Естественно, есть сторонники «второго удара», нацеленного на крупные города, промышленные и культурные центры, как и адепты обоих таких подходов. (Правда, совместное использование обеих стратегий может привести к потере их преимуществ.) Разница во взглядах раскалывает и наш политический класс. При администрации Эйзенхауэра Государственный департамент и президент придерживались более примирительной позиции, являясь сторонниками прекращения испытаний ядерного оружия и контроля над вооружениями, но военные и комиссия по атомной энергии не приветствовали (и не приветствуют сейчас) такую примиренческую политику. В самих вооруженных силах

разные группы придерживаются разных стратегических концепций. Каждая такая группа поддерживает выгодную для себя концепцию и в то же время идет на компромисс с конкурирующими службами.

Несмотря на эти различия, представляется, что большая часть ответственных политических лидеров и большинство населения убеждены в правильности основных предпосылок нашей политики и желают ее продолжения в выбранном направлении. Они уверены, что другого курса просто не существует, иными словами, любой другой курс приведет к войне скорее, чем нынешний. Эта позиция подкрепляется убежденностью в том, что наша политика не только является единственной надеждой на физическое выживание, но она единственна в силу своей этической и моральной обоснованности. Все убеждены в том, что мы и наши союзники представляют свободу и идеализм, а русские и их союзники представляют рабство и материализм. При этом молчаливо допускают, что риск войны и разрушения надо принять, потому что лучше умереть, чем стать рабами.

Осуществлять политику, основанную на таких допущениях, осознавая грядущие нам и всему миру опасности, приходится с тяжелым сердцем, но без тени сомнения. Любой, кто поддерживает такую политику, убеждается в том, что мы делаем все, что в наших силах, и нет другого пути, который мог бы лучше защитить нас от войны или порабощения.

Если, однако, предпосылки, на которых зиждется наша политика, являются ошибочными, то нам придется принять такой образ действий, какой не смеет рекомендовать ни один человек, который хотя бы в минимальной степени не лишен чувства ответственности и долга. Следовательно, наша интеллектуальная и моральная обязанность заставляет нас снова и снова ставить под вопрос правильность этих предпосылок. Я постараюсь показать причину моей

убежденности в том, что многие предпосылки, на которых основана наша политика, являются ложными, что многие наши допущения — это фикция, искажающая реальность, а следовательно, мы, сами не понимая, что творим, создаем тяжелейшую опасность для нас самих и всего остального человечества.

Многие читатели будут удивлены и даже шокированы некоторыми моими высказываниями и выводами; но единственное, о чем я прошу их, — это сохранять открытость ума и следить за моей аргументацией, не поддаваясь эмоционально окрашенным пристрастиям. В конце концов, у большинства из нас две главные заботы: мы не хотим опустошительной войны, но хотим сохранить идеи человеческого достоинства и принципы индивидуализма. Я попытаюсь показать, что мир еще возможен и что у разумной гуманистической традиции есть будущее.

Хочу выразить благодарность Роджеру Хагану, который не только помог мне собрать нужный исторический материал, но и сделал много полезных критических и конструктивных замечаний и предложений, взяв на себя труд прочитать рукопись. Хочу также выразить искреннюю признательность Майклу Маккоби, который внес множество ценных предложений, особенно для главы о разоружении, а также Хэрропу Фримену, который любезно выкроил время в своем жестком рабочем графике и внимательно прочел рукопись, сделав при этом важные поправки и предложения. Благодарен я также Дэвиду Рисману и Стюарту Мичему за чтение рукописи перед сдачей ее в печать и за важные замечания и критику.

Э. Ф.

I. НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

1. УПРЕЖДАЮЩИЕ И КАТАСТРОФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Общества живут своей жизнью, они основывают свое бытие на определенных производительных силах, географических и климатических условиях, на способе производства, идеях и ценностях и на определенном типе человеческого характера, который развивается в этих условиях. Общества организованы таким образом, что проявляют тенденцию продолжать свое бытие в этой конкретной форме, к которой они наилучшим образом адаптировались. Как правило, люди каждого общества уверены в том, что их образ бытия является естественным и неизбежным. Едва ли эти люди видят иные возможности, в действительности они склонны верить, что кардинальные изменения в их образе бытия приведут к хаосу и разрушению. Они всерьез убеждены в том, что их путь праведен и санкционирован богами или законами человеческой природы, и что единственная альтернатива продолжению формы существования, в которой они живут, — гибель и уничтожение. Эта вера не является результатом идеологической обработки, она коренится в аффективной части человеческого сознания, в *структуре характера*, которая выковывается всем общественным и культурным устройством так, что человек *хочет делать то, что ему приходится делать*, и его энергия направляется таким образом, чтобы она служила определенной функции, которую он должен исполнять, будучи членом данного об-

щества. Именно по этой причине, из-за того что этот образ мышления коренится в мозаике *чувства*, это мышление так устойчиво и не поддается изменению.

Тем не менее, общества меняются. Эти изменения являются следствием действия множества факторов, таких как новые производительные силы, научные открытия, политические завоевания, рост населения и т.д. Помимо этих объективных факторов растущее осознание человеком своей сущности и потребностей, особенно возрастающей потребности в свободе и независимости, становится движущей силой постоянного и неуклонного изменения исторической ситуации, изменения, сделавшего из пещерного человека прошлого космического путешественника будущего.

Как происходят эти изменения?

Большей частью такие изменения происходят насильственным и катастрофическим путем. Большинство обществ, как вожди, так и ведомые, оказываются неспособными по своей воле мирно адаптироваться к фундаментально новым условиям, *предвосхищая необходимые изменения*. Общества такого рода продолжали упрямо отстаивать свои принципы, весьма поэтично называя это «исполнением своей миссии», изо всех сил стараясь сохранить основы своей привычной общественной жизни, решаясь лишь на мелкие изменения и модификации. Даже в ситуациях, когда возникали чудовищные противоречия со структурой этих обществ, они слепо пытались держаться прежних устоев до тех пор, пока не изнемогали в борьбе. Тогда обычно народ становился объектом завоевания другими народами или медленно исчезал, так как уже не мог жить по-старому.

Самыми яростными противниками фундаментальных изменений были элиты, извлекавшие наибольшие выгоды от существующего устройства и не желавшие добровольно отказываться от своих привилегий. Однако материальные интересы правящих и привилегированных групп — не единственная причина неспособности множества культур

заранее осуществлять необходимые изменения. Другая, не менее важная причина, — психологический фактор. Вожди и ведомые, материализуя и обожествляя свой образ жизни, свои мыслительные концепции и свою систему ценностей, становятся их ригидными приверженцами. Даже небольшие отклонения в концепциях становятся сильнейшим раздражающим фактором и рассматриваются как враждебные, дьявольские, безумные посягательства на «нормальное», «здоровое» мышление.

Для последователей Кромвеля исчадием ада были паписты, для якобинцев — жирондисты, для американцев — коммунисты. В каждом обществе человек абсолютизирует образ жизни и образ мышления, производимый его культурой, и готов, скорее, умереть, чем допустить изменения, так как в его представлении изменение равносильно смерти. Таким образом, история человечества — это кладбище великих культур, закончивших свое существование катастрофой из-за неспособности целенаправленно и планомерно реагировать на изменения.

Тем не менее ненасильственные, предвосхищающие изменения случались и в реальной истории. Освобождение рабочего класса от оков беспощадной эксплуатации и превращение рабочих во влиятельных экономических партнеров в западном индустриальном обществе служит примером ненасильственного изменения классовых отношений внутри общества. Готовность и способность лейбористского правительства Британии предоставить независимость Индии до того, как Британия была бы вынуждена это сделать перед лицом насилия, являет собой аналогичный пример в сфере международных отношений. Но эти предвосхищающие решения до недавнего времени были, скорее, исключением, нежели правилом. Религиозный мир в Европе наступил только *после* Тридцатилетней войны, в Англии — только после жесточайших преследований папистов и антипапистов; в ходе Первой и Второй мировых войн мир наступал только

после бессмысленной гибели миллионов мужчин и женщин по обе стороны фронта, которая продолжалась по несколько лет после того, как становился ясен окончательный исход войны. Какую пользу могло бы извлечь человечество, если бы вынужденные решения принимались до того, как они реально становились вынужденными? Не мог ли упреждающий компромисс предотвратить ужасающие потери и всеобщее погружение в варварство?

Сегодня мы снова оказываемся перед лицом критического выбора, в котором разница между силовым и упреждающим решением эквивалентна разнице между уничтожением и плодотворным развитием нашей цивилизации. Сегодняшний мир поделен на два блока, которые смотрят друг на друга с подозрением и ненавистью. Оба блока обладают возможностью причинить друг другу ущерб, величину которого можно сравнить лишь с небрежностью в его подсчетах. (Согласно оценкам можно ожидать, что потери США составят от одной трети до практически полного уничтожения в ходе ядерного конфликта; то же самое касается и вероятных потерь Советского Союза.) Два блока до зубов вооружены и готовы к войне. Блоки не доверяют друг другу, и каждый подозревает противника в желании завоевать и разрушить его. Современное равновесие подозрений и угроз, основанное на разрушительном потенциале, может, конечно, просуществовать некоторое время. Но в долгосрочной перспективе единственными возможными альтернативами являются либо ядерная война и все ее последствия, либо окончание холодной войны, что предусматривает разоружение и заключение политического мира между двумя блоками.

Вопрос заключается в следующем: должны ли Соединенные Штаты (и их западные союзники) и Советский Союз, а также коммунистический Китай, следовать своим нынешним курсом до ужасного конца, или обе стороны должны провести упреждающие изменения и прийти

к решению, которое исторически возможно и которое в то же время принесет каждому блоку оптимальные выгоды.

По сути, это тот же вопрос, с которым сталкивались другие общества и культуры, а именно: *способны ли мы приложить понимание законов истории к политическим действиям*¹.

Здесь возникает дополнительный вопрос: что именно, какая причина делает общество жизнеспособным, позволяя ему реагировать на изменения? На этот вопрос нет простого ответа, но ясно, что общество должно прежде всего отличать свои первичные ценности от вторичных ценностей и учреждений. Это трудно, потому что вторичные системы порождают свои собственные ценности и учреждения, которые так же важны, как человеческие и социальные потребности, которые дали им жизнь. По мере того как народная жизнь переплетается с учреждениями, организациями, стилем жизни, формами производства и потребления и т. п., люди проникаются желанием жертвовать собой и другими во имя произведений своих рук, превращать свои творения в идолов и поклоняться этим идолам. Более того, учреждения, как правило, противятся изменениям, а значит, люди, полностью преданные учреждениям, несвободны в выборе упреждающих изменений. Следовательно, проблема такого общества, как наше, заключается в том, смогут ли люди заново открыть основополагающие человеческие и общественные ценности нашей цивилизации и отказаться от верности, не говоря уже о поклонении, тем институциональным или идеологическим ценностям, которые становятся тормозом развития.

Есть, однако, большая разница между прошлым и будущим, которая делает этот вопрос жизненно важным и неот-

¹ Этот вопрос превосходно разобран в книге Роберта Хейлбронера «Будущее как история» (The Future as History, Harper & Bros., New York, 1960). — Здесь и далее, за исключением отдельно оговоренных случаев, примеч. авт.

ложным. Насильственное, далекое от упреждения решение, в нашем случае не приведет к плохому миру, как это случилось для Германии в 1918 и 1945 годах; оно не приведет к пленению части нашего народа, или части русского народа, как это случалось с народами, разбитыми Римской империей; оно приведет, скорее всего, к физическому уничтожению большинства ныне живущих американцев и русских и к варварской дегуманизации и диктатуре для всех выживших. На этот раз выбор между иррациональным насилием и рациональным упреждением повлияет на род человеческий и на его культурное, если не на физическое, выживание.

Пока шансы на то, что выбор будет сделан в пользу рационального упреждения, являются весьма призрачными. Дело не в том, что отсутствует возможность такого исхода в реальной ситуации, а в том, что с обеих сторон воздвигнут мысленный барьер, составленный из ритуальных идеологических клише и доброй толики безумия, которые мешают народам — их вождям и ведомым — здраво и реалистично посмотреть на факты, отделить факты от фикции, и выявить решения, альтернативные насильственным. Такая рациональная упреждающая политика требует критического анализа наших допущений относительно природы коммунизма, будущего слаборазвитых стран и ценности устрашения в предотвращении войны. Помимо этого, такая политика требует серьезного исследования наших собственных предубеждений и тех безусловно нездоровых форм мышления, которые управляют нашим поведением.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА И ПЕРСПЕКТИВЫ НА БУДУЩЕЕ

После длившегося почти тысячу лет — от начала феодализации Римской империи до позднего Средневековья — процесса, в ходе которого европейский континент был

пропитан христианством, вобравшим в себя идеи и элементы мышления, заимствованные у греков, евреев и арабов, Европа породила новую культуру. Западный человек открыл в природе объект интеллектуальных спекуляций и эстетической радости; он создал новую науку, которая в течение нескольких столетий стала фундаментом техники, каковой было суждено преобразовать природу и повседневную жизнь невиданными ранее способами; он открыл себя как самостоятельного индивида, наделенного почти неограниченной силой и энергией.

Этот новый период породил также и новую надежду на улучшение и даже усовершенствование человека. Надежда на совершенствование человека, на его способность построить «доброе общество» — одна из самых характерных и уникальных черт западного мышления. Эту же надежду питали пророки Ветхого Завета и греческие философы. Она никогда полностью не утрачивалась, хотя была затемнена внеисторическими идеями спасения и утверждения греховности в христианском мышлении; эта надежда нашла свое новое выражение в утопиях XVI—XVII веков, в философских и политических идеях XVIII—XIX веков.

Параллельно с возрождением надежды после Ренессанса и Реформации началось взрывоподобное экономическое развитие Запада, произошла первая промышленная революция. Организационные формы, которые она приняла, приобрели вид капитализма, характеризующегося частной собственностью на средства производства, существованием политически свободных наемных работников и регулированием всей экономической деятельности на принципах расчетливости и максимизации прибылей. К 1913 году промышленное производство выросло в семь раз по сравнению с 1860 годом, и почти весь этот рост пришелся на Европу и Северную Америку. (На весь остальной мир приходилось около 10 % всего промышленного производства.)